

Студент и его вуз: анализ мониторингового исследования

Вал. А. Луков

Высшее образование в XXI веке представляет собой сложную систему социальных отношений, в которой их институциональная часть, а именно та, что связана с передачей от поколения к поколению определенного класса профессиональных знаний и построенная на базе социальных ролей «профессор» — «студент», хоть и остается существенной и занимает позицию ядра, но не исчерпывает многообразия социальных связей, порождаемых феноменом современного вуза. Хотя о том же можно говорить применительно и к высшему образованию прошлых веков, но с учетом специфики образования, признаваемого высшим на разных этапах и в разных социокультурных условиях.

Когда высшее образование расширяется до перспектив всеобщего (что как задача уже стоит в некоторых странах), то его стратифицирующая роль в обществе падает и, на-

против, более значимой становится роль вуза как института социализации, где студент в кругу своих сверстников и в контакте с теми, кого в интерпретативной социологии называют «значимыми другими» — а это профессора, преподаватели, старшекурсники, администрация вуза и т. д., — осваивает общество как свою жизненную среду.

В этом контексте могут рассматриваться материалы мониторинга «Российский вуз глазами студентов», который проводится с 2000 г. Московским гуманитарным университетом при поддержке Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, а в последнее время и при поддержке Национального союза негосударственных вузов. В мае 2005 г. проведен V этап мониторинга. В своей основе он сохранил черты предыдущих этапов, а именно — снова в центре внимания было сопоставление мнений студентов о своих вузах с разделением по

двум группам вузов: государственных и негосударственных. Вновь и первую, и вторую группы представляли студенты лучших гуманитарных вузов (или гуманитарных факультетов вузов) Москвы: среди государственных вузов — МГУ, МПГУ, РГГУ, ГУУ, МАТИ, негосударственных — МосГУ, НИБ, МЮИ, МАЭП, ИСИ. Но в этот раз кроме ядра из указанных вузов фоновые данные собирались и в ряде других московских вузов (например, МГИМО). Более существенно, что впервые исследование вышло за рамки столицы, собраны данные по вузам (государственным и негосударственным) таких городов, как Вологда, Казань, Люберцы, Петрозаводск, Рязань, Самара, Сыктывкар. Это пробное исследование, на следующих этапах оно приобретет более систематические черты, но уже сегодня оно проясняет тенденции развития государственной и негосударственной подсистем высшего образования, какими они представляются из анализа мнений студентов.

Московская часть исследования достаточно устойчива в выявленных студенческих оценках своих вузов и вузовской системы в целом. Так, по конфигурации большинство позиций IV и V этапов (соответственно, 2004 и 2005 г.) совпадает. Вновь можно констатировать: по основным характеристикам студенческого контингента государственных и негосударственных вузов, включая и материальный достаток семей, и ценностные ориентации студентов, и их представление о своем будущем, нет разницы, и московское студенчество, независимо от того, какова форма собственности из вуза, — однородно. Это не две разных группы, а одна группа.

На новом этапе исследования удалось показать, что в области ценностных ориентаций нет значительной разницы между студентами московских и немосковских вузов (по крайней мере в Европейской части России. Хотя устоялось мнение, что между Москвой и другой Россией лежит целая пропасть, в данном исследовании видна иная картина на уровне ценностных ориентаций студентов. Опять-таки можно гово-

рить о высокой степени однородности студенчества.

Различия все же есть, но это скорее различия социальной среды, социальной реальности. И мнения студентов, обучающихся в негосударственных вузах провинции (так назовем здесь российские территории вне столицы), обрисовывают проблемное поле негосударственной подсистемы высшего образования за пределами МКАД. Некоторые свидетельства этого. Сравним ответы студентов негосударственных вузов Москвы и не-Москвы. «Каков, по Вашему мнению, престиж диплома Вашего вуза?» — высоких оценок в провинции в 1,5 раза меньше, средних — в 1,3 раза больше, и почти половина опрошенных не знают, что сказать (45,5%). «Престижно ли учиться в Вашем вузе?» — положительных оценок в 1,5 раза меньше, затруднившихся ответить — 54%. «Почему Вы выбрали именно это учебное заведение?» — ответ «здесь дают хорошее образование» звучит в 2 раза реже, зато ответ «легче всего было поступить» в 2 раза чаще. Тех, кто считает, что его вуз имеет в полной мере хорошие условия для проведения учебных занятий, в 1,4 раза меньше, зато тех, кто не считает условия хорошими, — в 2 раза больше, и это, между прочим, почти четверть опрошенных (24%). Также вдвое больше тех, кто считает, что в вузе нет хороших условий для занятий наукой, и вновь таких — четверть от числа опрошенных (26%). «Помогает ли вуз, в котором Вы учитесь, обеспечить работой по специальности своих выпускников?» — «нет» в рассматриваемой группе звучит в 42% ответов, что в 2,3 раза чаще, чем в московских негосударственных вузах. В негосударственных вузах провинции самые низкие студенческие оценки уровня компьютеризации учебного процесса, мультимедийного сопровождения занятий, возможности работать в аудитории в Интернете и т. д. Это вроде бы банальность (общеизвестно, что в провинции с оборудованием вузов дела идут хуже, чем в столице), но она дает повод для размышлений в свете другой группы фактов.

Какие это факты? Среди студентов провинциальных негосударственных вузов особенно много тех, кто считает, что для достижения жизненных целей им необходимо, чтобы было повышено качество обучения в вузе (29%, что почти в 2 раза больше, чем среди студентов негосударственных вузов Москвы). Здесь больше, чем в других выделенных группах, тех, кто считает, что высшее образование сегодня является гарантией жизненной успеха (28,5%). Немаловажно, что 68% этих студентов имеют установку после окончания вуза работать по полученной специальности, это высший показатель среди выделенных групп студентов, тогда как низший — среди студентов тех самых престижных московских государственных вузов, которыми гордится страна (42%, или в 1,6 раз меньше). Среди установок на учебу на первом месте стоит позиция «чтобы иметь в будущем интересную работу» (63%).

На этом фоне идентичность студентов негосударственных вузов провинции со своими вузами подорвана там, где речь идет об институциональной слабости этих вузов в достижении студентом образовательной цели. Возникает два полюса в оценке вуза. С одной стороны, высокая степень солидарности с людьми вуза, и о полной своей удовлетворенности профессорско-преподавательским составом заявляют почти треть опрошенных в данной группе, а в целом удовлетворенность преподавателями отмечается на уровне 80%, что, разумеется, высокий показатель (для сравнения: в государственных вузах Москвы 81%, негосударственных вузах Москвы — 88%, государственных вузах провинции — 85% — разница несущественна).

С другой стороны, критическое отношение к своему вузу, выраженное в недоверии к системе негосударственного высшего образования. Лишь 1,6% опрошенных студентов негосударственных вузов провинции выбрали бы негосударственный вуз, если бы пришлось вновь поступать в вуз. Столько же студентов предпочли бы такой же выбор из обучающихся в государственных вузах Моск-

вы. Для последних это совершенно естественно, для первых — противоестественно.

Проблема студента негосударственного вуза, находящегося за пределами Москвы, заслуживает более детального дальнейшего исследования.

Второй вопрос, который следует поставить в свете материалов V этапа мониторинга, — вопрос о политической активности студентов.

Наблюдатели политических переворотов в форме легитимных выборов в Грузии и Украине не раз отмечали огромную роль молодежи, прежде всего студенческой, в достижении оппозицией своих политических целей. Очевидно, что это не заграничная проблема для России.

На определенные размышления наталкивает анализ данных нашего мониторинга. Исследование не было посвящено изучению политических настроений студенчества, оно лишь краем коснулось этой темы, но результат получен небезынтересный: около 13% студентов связывают реализацию своих жизненных планов со сменой правительства. Это очень высокий показатель прямо выраженных «бунтарских» установок, даже если из него не следует уличных беспорядков и баррикад.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что студенты, выражающие такую позицию, сосредоточены в московских вузах: здесь доля «бунтарей» (так их назовем, но в кавычках, мы имеем дело с высказываниями, мнениями, а не с политической практикой) приближается к 15%, когда в немосковских вузах, представленных в исследовании, — лишь около 8% (вдвое меньше). Небезынтересно и то, как представлены «бунтари» в государственных и негосударственных вузах. В московских вузах соотношение таково: 15,2 против 14,1%, в вузах регионов: 7,9 против 8,1%. Итак, наибольшая доля «бунтарей» — в государственных московских вузах. Если иметь в виду, что в исследовании представлены (хоть и в разной степени) гуманитарные факультеты крупнейших и наиболее престижных московских государст-

венных вузов, то вывод ясен: протестные настроения следует в первую очередь искать в лучших вузах столицы — тех, между прочим, где более всего должна быть видна эффективность государственной молодежной политики. Но об этом позже, а пока зададимся вопросом: каковы же характеристики тех из студентов, кто считает, что для достижения их жизненных целей необходимо сменить правительство? Или другими словами: чем эта группа «бунтарей» отличается от других студентов?

Анализ полученных данных показывает, что между «бунтарями» и всей массой студентов разницы практически нет ни по материальному положению семьи, ни по фактору совмещения учебы и работы, ни по членству в политических партиях и общественных объединениях или участию в политических акциях. Среди «бунтарей» примерно та же доля, что и среди всех студентов, тех, кому интересно учиться, кто удовлетворен профессорско-преподавательским составом своего вуза, кто уехал бы жить за границу, если бы повезло с удачным контрактом. Здесь та же доля считающих, что государство должно помогать студентам, и доля уверенных, что высшее образование — это гарантия жизненного успеха, и т. д. По большинству параметров, зафиксированных в исследовании, эта группа характеризуется так же, как и все опрошенные студенты в целом — вот главное.

Где же различия? Они довольно неожиданны и заставляют задуматься над направленностью и механизмами молодежной политики. В группе «бунтарей» несколько больше тех, кто не считает, что их жизнь в последний год стала лучше или не изменилась. Отличное и хорошее настроение на прошедшей неделе отмечают в общей массе студентов чаще, чем в группе «бунтарей». Немного ниже у «бунтарей» показатели оптимизма во взглядах на свое будущее, в оценке того, как к студентам относятся в их вузе. Немного больше среди них тех, кто хотел бы иметь власть, навести железный порядок в стране, немного меньше — кто

считает для себя важным быть независимым и т. д. Более ясные очертания дают московские государственные вузы, где больше трети «бунтарей» (34,9%) отметили, что на прошлой неделе были в плохом настроении (на общем фоне в 8,5%).

Из сопоставления данных вытекает вывод, что *ничего специфического в студентах «бунтарях» нет*, что такой более или менее оформленной группы нет, а значит, ее невозможно выявить и вести с ней целенаправленную работу. По большей части обозначенные расхождения статистически незначимы, и лишь улавливается некоторая тенденция, а она в том, что политическая заявка относительно правительства является отражением настроения, сегодня испорченного, а завтра, возможно, исправленного. *Мерцание настроения* и будет предопределять частоту появления высказываний о необходимости смены правительства (разумеется, если нет явных признаков правительственного кризиса как реальности).

С точки зрения политической стабильности в стране это явление крайне опасно. В студенческой среде политическая активность образуется по модели взорвавшейся мины: небольшого детонатора достаточно, чтобы сработал весь заряд. Незначительной части радикально настроенной молодежи (и именно студенческой, и чаще всего в столицах) достаточно для того, чтобы начался политический кризис, как это и было в прошлые десятилетия в разных странах и на разных континентах. Если лозунги и призывы радикально настроенных групп и личностей входят в резонанс с настроениями студенческих масс, ситуация может меняться с такой скоростью, что контроль и властей, и студенческих лидеров над нею невозможен.

Раз отношение российских (прежде всего московских) студентов к правительству, к сложившейся в стране политической системе в целом в любой момент может быть изменено в силу стечения обстоятельств, под давлением внешних условий, то следует признать, что мы живем на вулкане. Управляя

настроением, можно добиться быстрого роста негативизма студенческой массы, легко разжечь пожар антиправительственных выступлений. А долговременные факторы молодежной политики влияют на перемену настроения мало, они по большей части слабо осознаются студентами, особенно самой молодой их частью.

Но если мы не знаем и не можем знать, когда и где рванет, если нет связи этого обстоятельства с иными факторами, кроме общественного настроения, нужна ли моло-

дежная политика, а если нужна — какой она должна быть? Ведь ясно, что направление всех сил на то, чтобы у студентов ежедневно было хорошее настроение, — не может быть ни целью, ни механизмом взаимоотношений государства и студенчества.

Здесь, как и в вопросах об отношении студентов к своему вузу, много непроясненного, недосказанного, невыявленного, непонятого. От студенческих оценок и мнений путь пролегает в структуры общества, к тенденциям общественных изменений.